

УДК 300.331

РОМАШКИНА Гульнара Фатыховна — д.соц.н., профессор; заместитель директора по научной работе Финансово-экономического института Тюменского государственного университета (625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, 10; gr136@mail.ru)

ДАВЫДЕНКО Владимир Александрович — д.соц.н., профессор; начальник НИЦ Финансово-экономического института Тюменского государственного университета (Vlad_davidenko@mail.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ

Аннотация. В статье изучается, в какой степени доверие к институтам власти в регионах России сопряжено с показателями социальной защищенности и иными социальными индикаторами. На основании данных 8 лет наблюдений (4 волны, 2006–2013 гг.) в Тюменской обл. (включая ХМАО, ЯНАО) показано, что абсолютный уровень доверия к институтам власти в Тюменском регионе относительно невысок и в целом практически не изменяется. Одновременно происходит снижение уровня протестного потенциала. Показано, что «вертикальное доверие» прямо связано с составляющими социального самочувствия. Статистически устойчива и значима связь доверия к суду, правительству, полиции, муниципальным органам власти с уровнем защищенности, компонентами стратегического оптимизма, материально-имущественным положением. Не подтверждена связь компонентов вертикального доверия с параметрами тактического оптимизма, допустимости обмана, социально-демографическими параметрами респондентов.

Ключевые слова: доверие, социокультурный, мониторинг, социальный, структура, обман, институты, отношения, протест, ожидание, активность

Проблема доверия и доверительных отношений — одна из важнейших в мировой и отечественной социологии и экономике. Одна из главных причин такого явления — многообразие форм доверия и доверительных отношений в жизни современного общества. Человеческая потребность в сотрудничестве, в устойчивости взаимных связей описывалась в различных понятиях (формы обобществления, социальный обмен и другие), причем всегда причислялась к фундаментальным условиям социального порядка, в котором доверию как одному из его элементов отводилось ключевое место.

В трудах М. Вебера обосновывается подход к анализу доверительных отношений (в современном понимании) на основе гипотезы рациональности [Вебер 1990]. Идеи конструирования социального порядка, социальных институтов и организаций на основе разнообразных форм «доверия — недоверия» были рассмотрены в работах Т. Парсонса [Парсонс 2002]. Различные формулировки «доверия — недоверия» в социальных отношениях получили отражение у Дж. Дрисколла и К. Скотта, которые выделили обобщенное (Дж. Дрисколл) и ситуационно-специфическое (К. Скотт) доверие. Начиная с 1980-х гг. в мире появилась целая серия авторитетных исследований, специально посвященных вопросам формулировок «доверия — недоверия» в разных контекстах и их различному содержательному преломлению в «социальной оптике» (Э. Гидденс, Дж. Коулмен, Н. Луман, Р. Патнэм, А. Селигмэн, Э. Усланер, П. Штомпка и др.). Этот социологический дискурс был связан с переосмыслением проблематики заботы о социальном «доверии — недоверии» в контексте «травматических» проблем, когда в процессе глобальных общественных перемен люди стали утрачивать чувство своей экзистенциальной безопасности. На фоне общего обеднения социального контекста и усугубления повседневных проблем по поводу архаизации и деградации современного российского общества весьма актуальным становится вопрос о возобновляемых ресурсах доверия как «соединительного социального вещества» (К. Лобе-Мари); пластичности историко-культурных импликаций доверия, позволяющих выявлять в нем новые возможности компенсации регрессивных процессов современного общества (П. Гросс); прояснении детерминант социального доверия (с учетом динамики уровня доходов и социальных статусов), особенно ввиду усиливающейся тенденции к групповому обо-

соблению и трансформации представлений о нормах социальной справедливости (Х. Бьорнсков) [Социальные и гуманитарные... 2010: 3-70].

Доверие, рассматриваемое в контексте социального капитала, – это изучение предрасположенности людей к кооперативному поведению, от которого часто зависит, какие экономические модели могут прижиться в определенном сообществе. Именно об этом писал Ф. Фукуяма в своей книге «Доверие», где говорил о присущей в разной степени каждой культуре естественной склонности к социальному взаимодействию [Фукуяма 2004]. Например, вместе с Фукуямой со значительной степенью уверенности можно утверждать, что уровень доверия в обществе прямо пропорционален степени его экономического развития (чем лучше экономическое развитие, тем выше системное и межличностное доверие). По результатам своих исследований в 41 стране мира С. Нэка и его коллеги обнаружили наличие корреляции уровня доверия с уровнем подушевого ВВП, уровнем инвестиционной активности и целым рядом других экономических показателей [Knack, Keefer 1997; Zak, Knack 2001]. Но, как верно указали их критики, во взаимосвязи доверия и экономического развития сложно отличить причины от следствий, т.к. корреляционные связи здесь обоюдные.

В не меньшей степени доверие коррелирует с уровнем развития правового государства. Здесь обратные связи настолько сильны, что иногда вообще непросто определить, какие связи в обществе правовые, т.е. подразумевают возможность для государства наказывать нарушителя, а какие – основаны исключительно на том или ином типе доверия (системного, общественного, межличностного). В ряде современных трудов указывалось на принципиальные различия между так называемыми традиционными (или, в других терминах, архаическими) обществами и модернизированными (или капиталистическими), особенно в том, что является основой «доверия – недоверия» к институтам власти. Традиционализм включает в себя и веру в сакральную природу власти, что не предполагает проверку ее легитимности, т.е. мы верим власти не потому, что она «плохая» или «хорошая», а потому, что она «дана свыше». На другом полюсе этого подхода можно расположить рациональные основания к доверию: мы доверяем институтам власти и потому, что оправдываются наши ожидания, и потому, что нам «жить хорошо», и потому, что представители власти нас не обманывали, и пр.

В данной статье обсуждаются проблемы системного доверия, «встроенные» в социокультурное и социально-экономическое пространство России; в частности, рассматривается, в какой степени доверие к институтам власти в регионах России сопряжено с показателями социальной защищенности и иными социальными индикаторами. Исходя из того, что социокультурное и социально-экономическое пространство России весьма разнообразно, а на «переломных точках истории» возникают бифуркационные процессы дезинтеграции, было важным понять, каковы уровни «доверия – недоверия» к тем или иным институтам власти в отдельно взятом регионе России; рассмотреть содержание «вертикального доверия» и его корреляцию с составляющими социального самочувствия; выявить связь доверия к суду, правительству, полиции, муниципальным органам власти с такими переменными, как уровень социальной защищенности, компоненты «стратегического» и «тактического» оптимизма в связи с материально-имущественным, статусным положением и социально-демографическими параметрами респондентов.

Эмпирической базой для аналитических выводов данной статьи послужили результаты социокультурного мониторинга, проводимого с 2006 г. каждые 2 года по репрезентативным выборкам в Тюменской обл. (включая ХМАО, ЯНАО). Исследование включено в проект «Социокультурные портреты регионов России» под научным руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой (ЦИСИ ИФ РАН). Основные результаты эмпирических исследований опубликованы в коллективных монографиях, научных статьях [Давыденко, Ромашкина и др. 2009]. Выборки исследования строились в соответствии с территориальной структурой населения отдельно для юга Тюменской обл., Ханты-Мансийского АО (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкого АО (ЯНАО) с учетом образовательной, половозрастной и территориальной структуры генеральной совокупности [Социокультурная эволюция...2013: 283-285] (см. табл. 1).

Таблица 1

Объемы выборок 2006, 2009, 2011, 2013 гг. в Тюменской обл.

Регион	2006 г.		2009 г.		2011 г.		2013 г.	
	N	%	N	%	N	%	N	%
Юг ТО	1 715	43	1 560	39	2 335	42	1 271	42
ХМАО	1 285	32	1 800	45	2 264	41	1 301	44
ЯНАО	1 000	25	640	16	968	17	482	16
Всего	4 000	100	4 000	100	5 567	100	3 054	100

Феномен доверия в России, как известно, изучается в основном в его вертикальном измерении — как доверие к властным институтам. Последнее предполагает делегирование полномочий, одобрение курса, лояльность, надежду на достижение позитивных изменений, готовность дожидаться этих изменений. В течение всех лет обследований население Тюменской обл., одного из самых экономически благополучных регионов России, выказывает достаточно критичное отношение к органам власти. Нет ни одного института, доверие к которому превысило бы значение 50%, уровень конкретных составляющих вертикального доверия колеблется, но уровень доверия к власти как средняя арифметическая величина практически не меняется, не превышая 30% (см. рис. 1) [Социокультурная эволюция...2013: 251-254].

Структура «доверия — недоверия» к институтам власти в динамике за 2006—2013 гг. для Тюменской обл. имеет стабильную конфигурацию. По отношению к таким институтам власти, как правительство региона, профсоюзы, муниципальные, местные органы власти население разделилось практически поровну — «не доверяют» этим институтам примерно столько же людей, сколько и «доверяют». Однозначно люди не доверяют политическим партиям, законодательной власти, СМИ. Вместе с тем за последние годы появился небольшой положительный всплеск: несколько повысилось доверие к СМИ, полиции и прокуратуре.

Если исходить из гипотезы о том, что доверие в целом — это значимый фактор поддержки осуществляемых реформ, а недоверие и безверие — важные маркеры имеющих проблем и социального напряжения, то по критерию «доверие — недоверие»

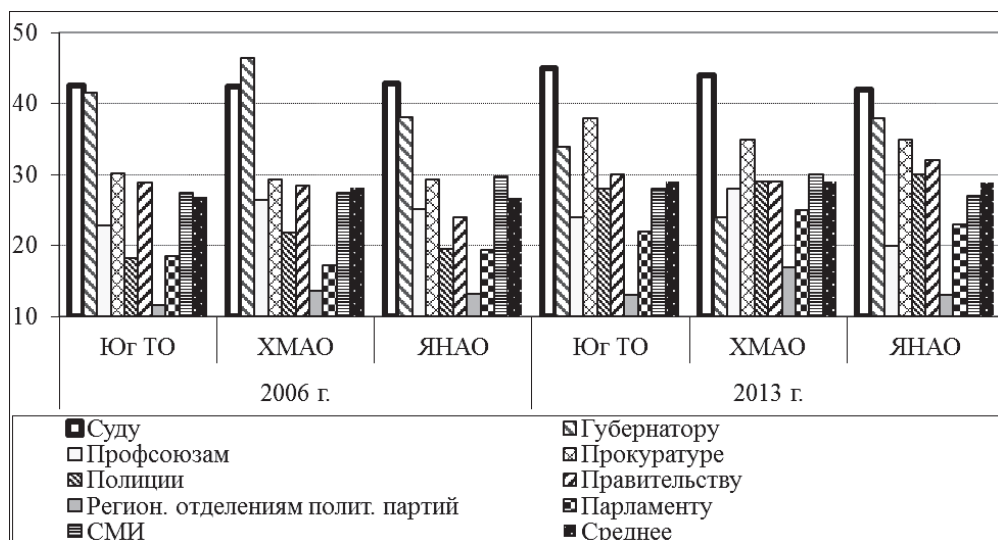
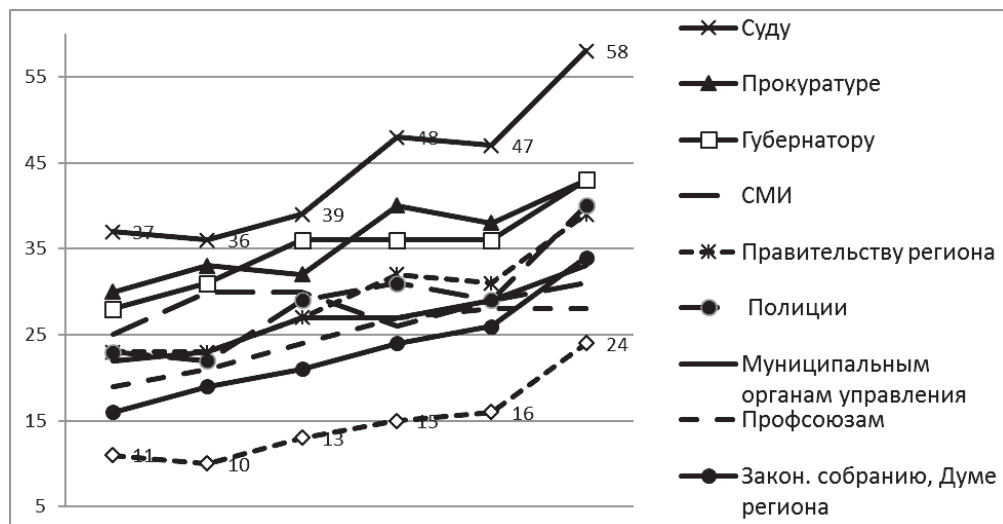

Рисунок 1. Уровень доверия населения Тюменской обл. институтам власти в % от выборки в субрегионах, 2013 г. Ответы: «Полностью доверяю» и «Пожалуй, доверяю»

Горизонтальная ось — материально-имущественные слои (минимум — самые бедные; максимум — самые богатые).

Вертикальная ось — сумма процентов ответов: «доверяю» и «пожалуй, доверяю»)

Рисунок 2. Уровень доверия к институтам власти по социальным слоям, 2013 г.

можно выявить динамическую картину изменения «экзистенциального состояния общества» населения Тюменской обл. Динамика уровня недоверия неблагоприятна для политических партий, СМИ, законодательных собраний, местных органов власти. Более высокий уровень «вертикального доверия» в целом выказывают сельские жители, пожилые и малообразованные люди. Они, согласно их ответам, больше доверяют правоохранительным органам, губернатору, СМИ. Жители областного центра демонстрируют наименьший уровень доверия по отношению ко всем рассматриваемым институтам. Нельзя сказать, что возраст и образование оказывают однозначное влияние на уровень доверия к различным социальным субъектам, выделяются только крайние группы. Низкий уровень доверия снижает экономическую и социальную активность населения, одновременно повышая протестную активность. Так, в Тюменской обл. отмечается очень низкий уровень политической и гражданской активности населения. В 2013 г. только 16% опрошенных участвовали в каких-либо общественных организациях, основная масса отметила свое членство в профсоюзе, где их деятельность в организации, как правило, номинальная. Чем выше самооценка по шкале материального положения, тем большее доверие выказывают респонденты почти всем социальным институтам (см. рис. 2). Исключение составляют лишь СМИ, уровень доверия к ним одинаков во всех социальных слоях.

Уровень ожидания протестных выступлений в Тюменской обл. достаточно высок: больше половины жителей региона считают, что в их населенном пункте вполне возможны массовые выступления населения. Наиболее вероятны, по мнению населения, выступления в защиту своих прав. Половина (50%) респондентов считают, что есть потенциал массовых выступлений против падения уровня жизни («Очень даже возможны»; «Возможны при определенных условиях»). Население Тюменского региона менее склонно предполагать вероятность массовых выступлений с политическими требованиями. Но назвать эту оценку низкой тоже нельзя — около 45% респондентов полагают, что такие акции возможны в их населенном пункте (см. рис. 3). Уровень ожидания протестных настроений — это в какой-то степени косвенная оценка экономической, социально-политической обстановки в своем населенном пункте, регионе, обществе. Это и личностное

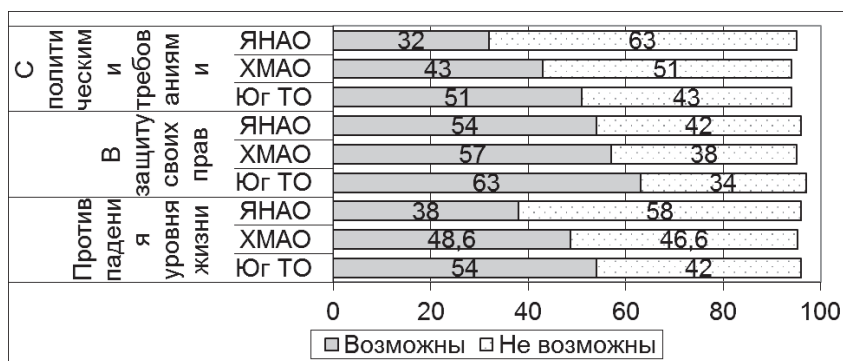

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, насколько возможны сейчас в Вашем городе, населенном пункте массовые выступления населения?», % (2013 г.)

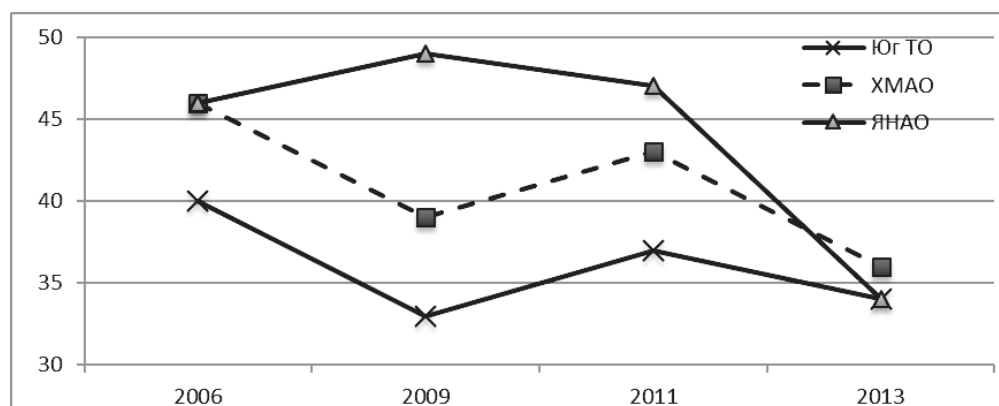

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, за права и свободы человека)?» Сумма процентов ответов «готов» и «пожалуй, готов».

ощущение напряжения в социальном пространстве, ощущение «нормальности» условий жизни, справедливости/несправедливости распределения доходов и уровня реализации законов, уверенность или неуверенность в возможности отстаивать свои права, оценка способности институтов власти выполнять свои функции с пользой для общества.

Когда задается вопрос о собственной готовности принять участие в массовых акциях протеста, то в качестве мотивов выбора ответа выступают уже иные обстоятельства, как правило, связанные с собственной жизнью индивида. Поэтому декларируемая личная готовность к участию в этих акциях всегда ниже. Готовность в той или иной степени участвовать в акциях протеста в 2013 г. выразили в целом по области 35% респондентов. Важно отметить, что уровень протестной готовности снижается в динамике (см. рис. 4).

Протестные ожидания более сильны в крупных и средних городах, что может быть следствием более выраженной в таких городах поляризации доходов населения, резкого различия в стандартах потребления и уровне жизни. Однако высокий уровень протестных ожиданий не подкрепляется таким же высоким уровнем личной протестной готовности. Жители разных типов населенных пунктов

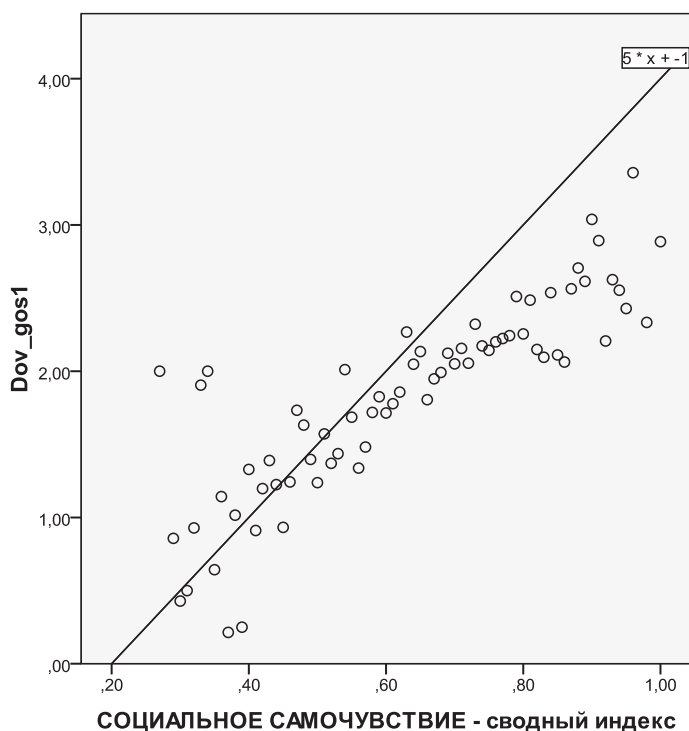

Рисунок 5. Средние оценки уровня доверия к институтам власти (переменная *Dov_gos1*) в зависимости от уровня социального самочувствия в 2013 г., Тюменская обл.

декларируют почти одинаковый уровень готовности принять личное участие в акциях протеста.

Быстро растут ожидания протестной активности в молодежной среде (от 18 до 35 лет) единственного крупного города в Тюменском регионе – Тюмени. Остальные города, поселения и социальные слои такими настроениями охвачены в значительно меньшей степени. При этом самооценка своего социального статуса тесно связана с удовлетворенностью своей жизнью в целом и в итоге – с социальным самочувствием, которое в свою очередь прямо влияет на обобщенные показатели доверия. Уровень социального самочувствия (0 – минимальное значение, 1 – максимальное значение, вычисленное как среднее по степени защищенности, оценкам стратегического и тактического оптимизма и общим оценкам своей жизни) прямо коррелирует с институциональным доверием (см. рис. 5, табл. 2).

Анализ корреляций (табл. 2) демонстрирует, что уровень доверия прямо связан со всеми составляющими социального самочувствия. Однако наиболее тесно связаны доверие к суду, правительству, полиции, муниципальным органам власти с коэффициентом социальной защищенности, тогда как компоненты оптимизма связаны с уровнем доверия значительно менее тесно. Обращает на себя внимание слабый уровень связи между одобрением (неодобрением) обмана и уровнем доверия. Причем если коэффициенты корреляции с оценками возможности обмана со стороны самих респондентов по отношению к представителям власти статистически устойчивы (на уровне ошибки ниже 0,001), но слабы по интенсивности, то оценки возможности обмана по отношению к самим респондентам со стороны представителей власти всех уровней с уровнем доверия не коррелируют.

Таблица 2

Коэффициент корреляции Пирсона между уровнем доверия и составляющими социального самочувствия, готовностью к обману

Уровень доверия	Коэффициент защищенности	Коэффициент удовлетворенности жизнью	Стратегический оптимизм	Стали жить лучше	Тактический оптимизм –	Социальный оптимизм	Социальное самочувствие – сводный индекс	Можно обманывать наемным работникам своих работодателей	Можно обманывать представителей государства, власти
Суду	0,32	0,22	0,21	0,12	0,15	0,21	0,32	-0,12	-0,16
Губернатору	0,29	0,19	0,18			0,15	0,29	-0,15	-0,20
Профсоюзам	0,28	0,18	0,19		0,12	0,17	0,27	-0,11	-0,14
Прокуратуре	0,31	0,22	0,19	0,11	0,12	0,19	0,31	-0,14	-0,16
Полиции	0,35	0,20	0,23	0,11	0,15	0,24	0,33	-0,13	-0,19
Правительству	0,35	0,22	0,22	0,11	0,14	0,22	0,34	-0,18	-0,22
Региональным отделением политических партий	0,29	0,20	0,19	0,15	0,21	0,24	0,33	-0,13	-0,16
Законодательному собранию, Думе региона	0,32	0,23	0,23	0,14	0,14	0,23	0,35	-0,16	-0,22
Средствам массовой информации (печать, радио, телевидение)	0,26		0,12		0,14	0,16	0,22	-0,11	-0,11
Муниципальным, местным органам управления	0,35	0,23	0,25	0,12	0,13	0,23	0,35	-0,11	-0,14
Руководителям своего предприятия	0,31	0,24	0,25	0,14	0,12	0,25	0,36	-0,14	-0,11
Предпринимателям	0,28	0,19	0,21		0,16	0,21	0,30	-0,10	

Примечание. 1. В таблице указаны только те значения, уровень ошибки которых менее 0,001, а абсолютные значения корреляции выше 0,1.

2. Положительные ответы на вопрос: «Можно обманывать работодателям своих наемных работников?» не коррелируют с уровнем вертикального доверия, поэтому вопрос в таблице не указан.

Анализ эмпирических данных позволяет нам сделать несколько важных выводов, позволяющих лучше понять содержание, структуру и детерминанты «вертикального доверия» в Тюменской обл. (включая ХМАО, ЯНАО) как региона России:

1) доверие понимается в первую очередь как «вертикальное доверие», т.е. доверие к ключевым институтам власти;

2) содержательно-смысловое наполнение понятия доверия не всегда имеет четко выраженные рациональные основания;

3) достаточно высокий уровень недоверия к институтам власти сочетается с относительно высоким уровнем компонентов протестного потенциала. За весьма дли-

тельный период эмпирических обследований (2006–2013 гг.) в Тюменском регионе (включая ХМАО и ЯНАО) практически не изменилась средняя уровня «вертикального доверия», одновременно наблюдается амбивалентный процесс, с одной стороны, роста протестных ожиданий, с другой – снижения протестного потенциала;

4) концепт «вертикального доверия» связан также с оценками социальной защищенности индивида, или «экзистенциальным доверием», которое тесно связано с социальным самочувствием, с самооценкой своего социального статуса;

5) доказано эмпирически, что сила связи между различными компонентами «вертикального доверия» и уровнем оптимизма снижается при переходе от стратегических, безусловных его оценок к тактическим оценкам изменений и ожидания таких изменений в ближайший год;

6) не очевидна либо статистически слабо выражена связь концепта «вертикальное доверие» (недоверие) и «допустимость обмана» между индивидом и представителями власти, что фактически можно оценить как выражение нетраспарентности доверительных вертикальных отношений;

7) последний вывод подтверждается выявленным эмпирически еще одним противоречием: отсутствием связи институционального доверия с социально-демографическими параметрами;

8) выявлено, что уровень доверия к СМИ практически постоянен для представителей всех социальных слоев;

9) выявлены существенные разбросы «доверия – недоверия» по типам поселения: в городах «недоверия» практически по всем базовым позициям концепта «вертикального доверия» существенно больше, чем в деревнях и поселках городского типа.

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 12-03-00304 а.

Список литературы

Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. 809 с.

Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф. и др. 2009. Тюменский регион: Югра, Ямал, юг Тюменской области. – *Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте*. ЦИСИ ИФ РАН (сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой). – М.: Academia. С. 569–648.

Парсонс Т. 2002. *О социальных системах* (под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского). М.: Академический Проект.

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2010. Сер. 11. Социология. Изд-во: ИНИОН РАН. № 2.

Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона: коллективная монография (сост. и общ. ред. Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Давыденко). 2013. – Тюмень, Изд-во ТГУ; Тюменская областная Дума. 330 с. Доступ: http://www.duma72.ru/ru/arena/library/?PAGEN_1=2&print=Y (проверено 02.11.2014.).

Фукуяма Ф. 2004. *Доверие*. М.: АСТ.

Knack S., Keefer P. 1997. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. – *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 112. No 4. P. 507–521.

Zak P.J., Knack S. 2001. Trust and Growth. – *Economic Journal*. Vol. 111. No 470. P. 295–321.

ROMASHKINA Gulnara Fatykhovna, Dr.Sci.(Soc.), Professor; Vice Director on Science of Financial and Economic Institute of Tyumen State University (Semakova str., 10, Tyumen, Russia, 625003; gr136@mail.ru)

DAVYDENKO Vladimir Aleksandrovich, Dr.Sci.(Soc.), Professor; Head of the research centre of Financial and Economic Institute, Tyumen State University (Vlad_davidenko@mail.ru)

SOCIO-CULTURAL BASIS OF THE INSTITUTIONAL TRUST

Abstract. The authors examine association of the trust to the authority's institutions in Russian regions with the indicators of

social security and others. The study is based on the data, collected during 8 years (4 waves of the research were organized during 2006–2013.) The result of the study demonstrates that in the Tyumen region (including KhMAO, YaNAO) the absolute level of trust to the authority's institutions is relatively low, and generally has not changed seriously. It is demonstrated that the «vertical trust» is directly related to the components of the social state.

Keywords: trust, socio-cultural, monitoring, social structure, deception, institutions, relations, protest, expectation, activity

БАРДИН Андрей Леонидович – научный редактор журнала «Полис (Политические исследования)» (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, оф. 208; andreybardin@gmail.com); младший научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН

КОКАРЕВА Анна Николаевна – редактор журнала «Полис (Политические исследования)» (bitmurr@gmail.com)

МИХАЙЛОВА Елена Викторовна – к.и.н., ответственный секретарь журнала «Полис (Политические исследования)» (lilaste@list.ru)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ СМИ

Аннотация. Статья содержит результаты исследования репрезентации структур российского гражданского общества в зеркале российских СМИ. Исследование базируется на методике дискурс- и контент-анализа. Предметом анализа выступают лексические единицы, формирующие языковые образы гражданского общества, ключевые характеристики его репрезентации и субъектность, а также тематическая и дискурсивная рамки репрезентации гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданский активизм, протестная активность, общественный контроль, государство, коммуникация, дискурс

Настоящая статья представляет промежуточные результаты исследования, в рамках которого предпринимается попытка на основе методов дискурс- и контент-анализа выделить ключевые черты репрезентации российского гражданского общества в публикациях ряда российских средств массовой информации. Материалом настоящего исследования стали публикации в СМИ, принадлежащих к различным фрагментам общественно-политического спектра – «Коммерсант», «Ведомости», «Российская газета», «Новая газета», «Труд», «Советская Россия», «Правда», «Lenta.ru» и «РБК».

Задачи исследования обусловлены, прежде всего, потребностью российской политической науки в изучении динамики развития гражданского общества, находящегося в стадии становления. Этот период, по мнению большинства ученых, характеризуется слабостью, разрозненностью, невысоким уровнем солидарности структур гражданского общества, относительной незначительностью их символического капитала. По сути, «любые рассуждения о развитии гражданского общества в России часто напоминают хорошо известную апорию о стреле, которая движется вперед, но при этом остается на месте. Так же и гражданское общество в России, с одной стороны, находится в своем стабильном состоянии – неопределенности в пространстве частно-государственных отношений, несовершенства взаимодействия государства с третьим сектором и структурами гражданской самоорганизации» [цит. по Бараш 2014: 1]. С другой стороны, нельзя отрицать и наличие общего тренда активизации гражданского общества в России, повышение «взыскательности различных его структур к общественным дисфункциям и сбоям», рост запроса на деятельность системы общественного контроля, «позволяющей избежать нарастания общественного недовольства в противостоянии гражданского общества и власти» [Вебер и др. 2011: 170]. Как показало исследование Института социологии РАН, проведенное в марте 2014 г., число «инициативных» россиян все же превышает число «инертных» (37% против 29%), что свидетельствует о достаточной уко-